

В институте, который я закончил, учились представители всех национальностей нашей страны. Мой лучший институтский друг приехал в Петербург из Баку, и там в его доме дружно и весело жили вместе азербайджанцы, армяне, русские, евреи, и мой друг говорит, что это было лучшее время его жизни. Были у нас и студенты из других стран, из Восточной Германии и Китая. И мы активно с ними смешивались, особенно перед сессией, ведь и немцы, и китайцы отличались большей дисциплиной, чем мы, и самые лучшие конспекты были у них. И мы помогали им, знакомили с классическим русским языком и современным фольклором, включая, анекдоты, и смеялись вместе. Те времена считаются тоталитарными, жесткими, но при этом идеи национального конфликта и неравноправия были абсолютно неприемлемы. Потом выпускники нашего института стали большими людьми у себя на родине, и мы продолжали с ними дружить и общаться.

Откуда же взялась национальная рознь и все те проблемы, которые так волнуют замечательного организатора нашей встречи Вейо Балтцара? Конечно, влияет ход истории. Сильным ударом по нашей стране была Отечественная война. Возникли национальные проблемы, например, с немцами, живущими у нас. Но в целом, война укрепила союз народов. Так, под Москвой совершила героический подвиг часть, состоящая из казахов. На выставке достижений народного хозяйства в Москве до сих пор стоят скульптуры представителей семнадцати национальных республик, составлявших Советский Союз. Когда я работал в издательстве, там обязательно стояли в плане писатели всех, в том числе самых малых национальностей нашей страны.

Но теперь и у нас существуют острые национальные проблемы. Я думаю, это от того, что сегодня вопросы духа, таланта, вклада человека в культуру обесценены, и схема общества общественных отношений выстраивается по совсем иным принципам. И замечательно, что именно Вейо Балтцар, обладающий и духовностью, и талантом, но также преуспевший и в сфере материальной, разбирающийся в ней, предлагает осуществить реформы, которые он реально представляет и может проводить. Важно, что он — представитель цыганского народа, известного своей яркой талантливостью, и в то же время прошедшего все виды угнетений, через многие из которых прошел и Вейо.

Так что тема нашей встречи им выстрадана, он занимается этим страстно, что позволяет надеяться на успех. И еще важно, что Вейо — замечательный писатель. Писатели судят жизнь не по догмам, а по чувствам, они находят в жизни самое яркое, самое достойное — и это самый верный способ построения справедливого и талантливого общества.

Вейо Балтцар

Пхуро¹
(отрывок из романа)

Вейо Балтцар. Заслуженный деятель культуры, писатель, сценарист, художник, театральный режиссер, драматург, поэт, философ и общественный деятель. Ведущий в мире цыганский писатель и драматург, пишущий на финском языке. Живет в Финляндии. Художественное наследие Балтцара составляет более семидесяти литературных произведений. Это романы, пьесы и мюзиклы, отмеченный наградой фильм, а также либретто и телевизионные сценарии. В течение пятидесяти лет Вейо Балтцар в своих произведениях показывает богатство цыганской культуры и развивает ее. Литература и драматургия Балтцара открыли цыганскую культуру для коренного населения Финляндии и помогли цыганам осознать значение их корней, духовного и интеллектуального наследия. В этом году Вейо Балтцар отмечает пятидесятилетие своего творческого пути.

Мофал, глава рода, вдруг встал. Это был знак для собравшихся. Все притихли.

— Как заведено у цыган на больших праздниках, девушка и парень сегодня станцуют во имя мира в нашем городе и благополучия всей нашей общины, — начал Мофал. Он выдержал паузу и продолжил: — Как старейшина, я должен назначить танцующих, но, чтобы сохранить согласие в наших семьях, на этот раз я хочу передать право выбора своему брату.

Марфало, удивленный, встал.

— Эта честь выпала мне так неожиданно...

Поскольку Марфало замешкался, Зибаро поняла, что ее час пробил. Все утро она искала подходящий момент, чтобы сообщить собравшимся о помолвке Багро и Гимары, и вот случай представился.

¹ Роман посвящен истории двух семей, живущих после Второй мировой войны в городе у моря, где-то в южной Европе. Город населен как обычными гражданами, так и цыганами, которые живут под давлением организованного мира и его иерархии власти, частично приспособившаяся к господствующей культуре с ее правилами и условиями, но большей частью отстаивая традиции и культурное наследие своего обособленного сообщества. Двоюродные брат и сестра, представители двух самых могущественных семей в цыганском племени, полюбили друг друга, но их чувства противоречат укладу цыганской диаспоры...

— Ладно, садись! — сказала она, встав и перебив своего мужа. — Сказано мудро и дальновидно, чего еще ждать от нашего старейшины. Выпавшая честь больше, чем я... чем мы могли ожидать, и мы по достоинству ценим ее. Братья, как правители города, лучше других знают, что в бизнесе нужен не только мужчина. Тяжелое бремя ложится и на семью, на тех, кто помогает. Для успеха в этом деле от нас, цыган, требуются согласие и мир, а это уже в руках жен и матерей. Подруги и спутницы наших парней тоже вносят свой вклад в то, чтобы между нами всегда было взаимопонимание. Говорят, что без труда не выловишь и рыбку из пруда. Это так и есть. Зачем цыганам ссориться друг с другом и отдавать власть кому-то другому? Наша община и без того маленькая, а поскольку у нас нет своей земли, мы не можем прокормить себя тем, что вырастили сами. Я приведу слова преуспевающего бизнесмена, нашего друга Фарго: «Прилагайте свои силы там, где от них есть толк». Фарго, разумеется, имеет в виду вот что: в каждой стране есть коренной народ. И цыганам приходится отвоевывать у него хлеб, а это значит, что отношения между нами должны быть прямыми и нам нужно быть сплоченными. Я за то, чтобы наши молодые танцевали и создавали семьи друг с другом. Только так цыгане останутся сильными.

Зибаро отобрала у своего мужа предоставленное ему слово на глазах у всех. Марфало не знал, куда спрятать глаза от стыда. Мофал взглянул на брата. Он стоял перед выбором. Приказать Зибаро замолчать? Но не станет ли это еще большим унижением для брата? Он подумал, что меньшим злом будет не предпринимать ничего, и понуро сидел, опустив плечи. Зибаро посчитала хорошим знаком то, что братья не вмешиваются, и продолжила:

— Именинник может спокойно сидеть, зачем такому уважаемому человеку спорить с женщиной. На благо города и в честь именинника моя дочь Гимара станцует этот танец! Дочка, выйди из-за стола!

Гимара взглянула на отца и неловко встала. Братья молча смотрели перед собой. Среди гостей пронесся шепот. Не было неожиданностью, что Зибаро выбрала для танца свою дочь. Гораздо интереснее было, кого она назначит Гимаре в пару.

Гости принялись вполголоса разговаривать между собой.

— Фарго, видимо, договорился с Мофалом! — предположил один из гостей.

— У богатых свои причуды, — вздохнул другой.

— Мофала не купишь, — настаивал третий.

— Случается, богатые дарят такие подарки, которые потом приносят беду! — сказал самый старший из них.

Пожилая женщина, послушав их, презрительно сплюнула:

— Позорят род.

На краю поляны, у обрыва, шумели те, кого не позвали к главному столу.

— Тут деньги все решают!

— Понятное дело.

— А нам что пользы от этого Фарго?

— Я его не очень-то знаю, но был тут у Фарго в казино. Посреди игры какой-то мужик решил поскандальить, Фарго глянул на меня, и я выставил того на улицу. Фарго щедро отсыпал мне монет.

— Далеко пойдешь.

Старик, который прислушивался к их разговору, с презрением произнес:

— Продают нашу жизнь и права! Так же, как и вы!

Его жена, беззубая старуха, схватила старика за плечо и повернула к себе:

— Раз ты такой умный, то скажи, что ты так уж ценишь в нас?

Старик вдруг шлепнул жену ниже поясницы и ответил весело:

— Право свободно любить, петь и кочевать!

А разговор за главным столом только лишь подходил к самому главному.

— Теперь, когда мы все в сборе, я хочу еще раз поблагодарить Мофала за этот праздник, — продолжила Зибаро. — Угощение такое, что и лошади предложить не стыдно, да и напитки в избытке... и за все благодарностью и почет Мофалу. И поэтому в его честь не может танцевать кто попало. С Гимарой сегодня будет танцевать Багро, прекрасный сын Фарго, нового правителя города!

Гости за праздничным столом стали перешептываться, однако Зибаро еще не закончила. Все чувствовали, что этот танец — лишь начало того, что последует дальше. Быстро вознеся хвалы Фарго и его сыну, Зибаро на следующем выдохе сообщила о помолвке Багро и Гимары как об уже свершившемся деле и, завершая свое выступление, дала понять, что совсем недолго ждать танца на королевской цыганской свадьбе.

— Кто-то еще хочет высказаться? — спросил Мофал, когда Зибаро закончила. Его лицо пылало гневом.

— Я уже сказала, что о свадьбе мы сообщим позже! — произнесла Зибаро.

Все ждали, что Мофал, наконец, поставит Зибаро на место и отменит дерзкий ее план. Но Мофал не хотел ссориться с семьей брата при всех, и промолчал. Хотя больше всех страдал его сын Караян. Он ведь знал, что Гимара любит его, а он любит Гимару! Но Гимара — его двоюродная сестра! Такие браки цыгане не очень одобряют... но любовь ведь не выкинешь из души!

Перевод с финского Ивана Прилежаева

Валерий Попов

Третий гений в семье

Валерий Попов. Русский писатель, сценарист, кинематографист. Председатель Союза писателей Санкт-Петербурга, член Союза кинематографистов. Автор сорока книг. Публиковался в изданиях: «Новый мир», «Звезда», «Вопросы литературы», «Знамя», «Октябрь», «Нева» и др. Лауреат премии Правительства РФ в области культуры (2013), Правительства Санкт-Петербурга в области литературы и искусства (2014), Гоголевской премии за книгу «Зощенко» (2015) и др. Награжден орденом «Дружбы» (2009), знаком отличия «За заслуги перед Санкт-Петербургом» (2014), медалью Пушкина (2016). Живет в Санкт-Петербурге.

Льва Гумилева я увидел впервые в 1991 году, на его выступлении в огромном белом зале Дома Писателей, где когда-то топтали Зощенко и Ахматову, а теперь торжествовал он: зал был переполнен, люди стояли в проходах.

То было самое «духоподъемное время» в истории моего поколения: из-под спуда, из-под гнета поднималось то, что от нас долго скрывалось. Как раз в это время разрешили многое, и народ ликовал, были переполнены залы, выступали кумиры — прежде запрещенные или просто незамеченные.

Помню смелого социолога с характерной фамилией Ядов, который дерзко сообщал залу, заполненному творческой публикой, что общество нуждается лишь в одном проценте творческих личностей, а при большем их количестве общество разрушается — и зал бурно аплодировал, узнав, наконец, правду, пусть и горькую. Помню сексолога-реформатора по фамилии Свядош, который вдруг сообщил нам с трибуны, при огромном стечении публики, что самоудовлетворение не только не вредно, но даже полезно, — и, как я написал в одной своей книге, «многие тут же сорвались с мест и с радостными криками выбежали из зала». Но, конечно же, Лев Гумилев, создавший в тяжелейших условиях, в сталинских лагерях свое учение, стоял выше всех.

Ольга Василевская

